Опубликовано: 03.06.2011

Волчьей тропой

Сегодня преступники, взращенные изломом конца 80 — начала 90–х годов прошлого века, составляют основную часть фигурантов уголовных дел...

30 ноября 2010 года около семи вечера милиционеры Павел Синявский и Святослав Литвинович, которые несли патрульную службу в районе молодечненского рынка, получили сообщение дежурного по РОВД: «Совершено покушение на убийство. Хмельницкого, 6а, квартира 32. Преступник может быть вооружен». Улица Хмельницкого — рядом. Пять минут — и тренированные парни были на месте.

Возле подъезда дома № 6а, подсвеченного блеклым фонарным светом, стояла женщина в залитой кровью куртке. В руке ее матово блестело лезвие ножа...

Лучик надежды

Он явился неожиданно. В середине октября 2009 года. Весь какой–то сморщенный, худой, сгорбленный, словно прижатый к земле тяжелым неподъемным грузом. Жесткие курчавые волосы, будто моль, испещрила седина, а в больших темных глазах стояли слезы.

— Катя, я вернулся, — сказал он, неловко переминаясь с ноги на ногу. — Прошлое больше не повторится.

Она многократно слышала это обещание, которое он ни разу не сдержал. Но робкий лучик надежды все же появился. Возможно, что–то все–таки изменилось в нем за те пять с лишним лет, что они не виделись? Возможно, ему наконец–то каким–то образом там, за колючей проволокой, внушили, что жизнь — одна и жить нужно совсем не так, как до сих пор жил он? Ей так хотелось в это верить! Ведь этот 40–летний мужчина, похожий на старика, был ей не чужим.

— Что ж, проходи, — сказала она. — В тесноте, да не в обиде.

В однокомнатной квартире они стали жить вчетвером: Катя с мужем и дочкой и он, ее родной отец — уголовник–рецидивист Александр Жуковец.

По скользкой тропе

Своего отца он не помнил — мать развелась, когда Саше было три года, и воспитывала мальчонку одна, разрываясь между работой и домом. Пацан был практически предоставлен самому себе. Прогуливал школу, бродяжничал. В 15 лет его поставили на учет в милиции, с ним возились, воспитывали, уговаривали. Но не нашлось для Саши своего Макаренко. А тут еще и новые времена подоспели. С новым укладом и новой моралью. Она была очень удобной для таких, как Саша. Абсолютная раскрепощенность, вседозволенность, главенство собственного «я» над всем и вся. Эта мораль гнилой ржавчиной разъедала и без того неустойчивую психику так называемых трудных подростков.

Впервые его судили в 18 лет. За кражу студенческих пожитков из общежития политехникума родного Молодечно. Потом — за хищение норок из зверохозяйства, за поножовщину... В перерыве между отсидками Жуковец умудрился жениться. Родились двое детей — дочь Катя и сын Виталий. Сашина мать надеялась, что вот, наконец, ее заблудшее чадо свернет с извилистой скользкой тропки на ровную твердую дорогу. Увы. Жена ему попалась под стать. Завивали жизнь веревочкой на пару — тунеядство, развеселые гульбища... А затем благоверная покинула семейный очаг. Навсегда. Ей не нужна была обуза в виде двух ребятишек. Их воспитывала бабушка — мать Жуковца. Самому ему было недосуг. Он либо сидел, либо, вкушая плоды свободы, предавался забулдонной вольнице, пропивая все, что можно было уволочь из несчастной квартиры. Дошло до того, что загнал за бутылку газовую плиту, после чего дети вынуждены были питаться всухомятку. Мать–старушка не выдержала, умерла. Жуковца и его непутевую половину лишили родительских прав. Детей отправили в интернат. Кате было 10, Виталику — 6 лет.

В очередной раз хлебать тюремную баланду Жуковец отправился за хулиганство, разбой и угрозу убийством. Пока сидел, государство поставило его детей на ноги. Катя окончила школу, вышла замуж, родила ребенка, взрослеющий Виталий поступил в колледж. Когда до окончания срока оставалось чуть меньше трех лет, учитывая «хорошее поведение осужденного», по решению суда, заключение под стражей было заменено так называемым ограничением свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа. Попросту говоря, Жуковец мог жить дома. Но при этом обязательно работать, не пить, не посещать массовые мероприятия, не покидать квартиру ночью и по выходным, а также — регулярно отмечаться в милиции.

Новый круг

Лучик надежды погас через три месяца. Ровно столько Жуковец смог прожить жизнью нормального человека: ходил на работу в ДРСУ–195, куда его взяли подсобником, получал зарплату, смотрел по вечерам телевизор, не злоупотреблял... Потом пошел по новому кругу прежних привычек. Исчезал из дому на

два–три дня. Приходил пропитый, заросший щетиной, грязный, вонючий. Катя отмывала его, отпаивала отварами, кормила. Плакала и просила образумиться. Он давал слово. И снова исчезал. На работе, где Жуковец появлялся на день через пять, его журили и навешивали выговоры. В милиции, куда он перестал приходить отмечаться, забили тревогу. Жуковец тем временем подался в бега.

...Он объявился спустя полгода, 27 ноября 2010–го. Позвонил Кате:

— Я — в Молодечно. Скоро приду.

— Приходи, — безучастно вздохнула дочь и через минуту набрала номер РОВД.

Все ее родственные чувства уже перегорели. Он был ей безразличен. Но в то же время она ощущала какое–то смутное волнение, переходящее в щемящую тревогу: если этого человека не остановить, быть большой беде.

Милицейская засада осталась ни с чем: Жуковец не пришел к дочери. Ни в тот день, ни в следующие.

Его насторожили интонации Катиного голоса. Рецидивист решил не рисковать. Милиция настойчиво и уверенно шла по его следу. И он давно ощущал себя волком, обложенным красными флажками. Метался по Беларуси, постоянно меняя адреса, но нигде не чувствовал себя в безопасности. Последнее время жил в деревне Каркеняты Ивьевского района в бывшем доме своего деда, а нынче новой владелицы — минчанки Татьяны К., которая приспособила дом под дачу и приезжала сюда только летом. Проник внутрь, выдавив оконное стекло, и несколько дней отсиживался в настывших стенах, растапливая старенькую печку хозяйской мебелью и подкрепляясь найденными в буфете хозяйскими же запасами съестного. Именно тут он вспомнил старую истину о том, что надежнее всего прятать вещь на самом видном месте. И возвратился в Молодечно, полагая, что там, откуда он сбежал, никому в голову не придет его искать.

Вспомнил бывшую подругу по имени Лена, с которой лет десять назад «водил амуры». Лена была женщиной свободной, и Жуковец подумал: авось примет. Дом возле детской больницы, где она жила, он помнил, а вот номер квартиры забыл. Но не беда, жильцы подскажут. И Жуковец направился к знакомой пятиэтажке.

«**По пятьдесят**»

Вечером 30 ноября 2010 года пенсионер Василий Владимирович Федорович пошел на улицу подышать свежим воздухом. Из темноты навстречу ему вынырнул невысокий кудреватый мужичок явно под хмельком.

— Отец, в какой квартире Лена Федорович живет?

— Лена? Так это же дочка моя. Только она тут уже больше не живет. Переехала.

— Жалко, а я вот с угощением, — Жуковец извлек из кармана куртки бутылку. — Пропадет ведь. А может, по пятьдесят? Чтоб не пропадала.

Люди, хорошо знавшие Василия Владимировича, до сих пор не могут понять, почему малопьющий пожилой человек не только согласился «сделать по пятьдесят» с абсолютно незнакомым ему, явно подозрительным нетрезвым субъектом, но еще и пригласил того в свою квартиру.

Когда закончилась водка, Федорович достал из серванта бутылку вина. Убойный «ерш» расплавил мозги Жуковца, в его мутных глазах зажглись недобрые огоньки:

— А что, может, оставишь меня здесь перекантоваться?

Федорович был категорически против. И тогда Жуковец взял со стола нож, которым только что резали закуску.

Тело пенсионера он забросал извлеченной из шкафа одеждой, сомнамбулически бормоча:

— Наконец поживу по–человечески. В тепле, с душем, с ванной...

В дверь позвонили. Жуковец машинально повернул ключ в замочной скважине. На пороге стояла мачеха Лены Анна Александровна. О ее существовании убийца и не подозревал. Он был уверен, что Федорович живет один.

Увидев человека с ножом, пенсионерка в ужасе бросилась прочь. Жуковец ударил ее в спину. Несколько секунд они боролись на лестничной площадке. Анне Александровне каким–то чудом удалось вырвать у Жуковца окровавленный клинок. Она бросилась к соседям, позвонила в милицию и выбежала на улицу встречать наряд. Перепуганная до смерти супруга Василия Владимировича еще не знала, что ее муж убит, но шок все равно был настолько велик, что она даже не могла разжать ладонь, которой намертво схватила нож. Это сделал подоспевший милиционер Павел Синявский.

Жуковец сидел на кухне и курил. Он прекрасно понимал, что куда–то бежать уже бесполезно...

Минский областной суд приговорил убийцу к 24 годам исправительной колонии строгого режима. Недавно судебная коллегия Верховного Суда оставила этот вердикт без изменения.

Комментарий

Петр Кирковский, старший прокурор отдела по надзору за законностью судебных постановлений по уголовным делам и анализу судебной практики прокуратуры Минской области:

— Сегодня преступники, взращенные изломом конца 80 — начала 90–х годов прошлого века, составляют основную часть фигурантов уголовных дел. Это опасный контингент, требующий особого внимания как со стороны правоохранительных органов, так и со стороны общественности. К сожалению, наши люди зачастую проявляют удивительную беспечность в отношении даже не просто незнакомых, а явно подозрительных личностей наподобие отпетого рецидивиста, о котором идет речь. И становятся их жертвами. Нам нередко не хватает не только бдительности, но и простой житейской осмотрительности, осторожности. И об этом, на мой взгляд, стоит задуматься.

Заметили ошибку? Пожалуйста, выделите её и нажмите Ctrl+Enter

Дмитрий НОВИКОВ

sparrow.

С 3 февраля на выезде из города будут отбирать права
PROGOROD59.RU

Шок! Пенсионерка из Китая ожила в гробу и пошла готовить еду
MYECONOMY.RU

19-летняя Диана Шнайдер сразила наповал! Зал в восторге
METARATINGS.RU

Мандариновая диета! Вкусно, просто и реально работает
EDIMDOMA.RU

Гордону стал прямо в студ известно
AIF.RU